

Верхом. Ги де Мопассан

Бедные люди жили, перебиваясь кое-как, на скромное жалованье мужа. У них родилось двое детей, и стесненное положение первого времени превратилось в бедность, смиренную, скрытую и стыдливую бедность дворянской семьи, желающей, несмотря ни на что, сохранить известное общественное положение.

Гектор де Гриблен получил образование в провинции, в отцовском поместье, под руководством старого аббата. Жили там небогато, но все же внешне старались поддерживать приличный тон.

Затем, когда он достиг двадцати лет, ему приискали место, и он поступил в Морское министерство на полуторатысячный оклад. И на этом подводном камне он потерпел крушение, подобно всем тем, кто не подготовлен заблаговременно к жестокой жизненной борьбе, кто видит жизнь, как в тумане, кто незнаком ни со средствами успеха, ни со способами сопротивления, подобно всем тем, в ком не были развиты с детства особые дарования, или личные способности, или суровая энергия в борьбе, подобно всем тем, кому не вручили ни оружия войны, ни орудия труда.

Первые три года его службы были ужасны.

Разыскав некоторых друзей своей семьи, старых, оставших от жизни и тоже небогатых людей, которые проживали на дворянских улицах, на печальных улицах Сен-Жерменского предместья, он составил себе круг знакомых.

Чуждые современности, смиренные и гордые, эти обедневшие аристократы ютились в верхних этажах уснувших домов. Снизу доверху эти здания были населены титулованными жильцами, но деньги были, казалось, такую же редкостью во втором этаже, как и в седьмом.

Вечные предрассудки, заботы о своем общественном положении, боязнь уронить свое достоинство неотвязно преследовали эти семьи, некогда блестящие, теперь же разоренные из-за бездеятельности мужчин. В этом мирке Гектор де Гриблен встретил девушку, благородную и бедную, как он сам, и женился на ней.

За четыре года у них родилось двое детей.

В течение четырех следующих лет эта семья, измученная нуждой, не знала иных развлечений, кроме прогулок в Елисейские поля по воскресеньям и одного-двух вечеров зимою в театре по даровым билетам, предложенным кем-нибудь из сослуживцев.

Но вот однажды весной чиновнику была поручена начальником дополнительная работа, и он получил дополнительное вознаграждение в сумме трехсот франков.

Принеся эти деньги домой, он сказал жене:

– Дорогая Анриетта, мы должны разрешить себе какое-нибудь удовольствие, ну хоть прогулку за город с детьми.

После длинных обсуждений было решено отправиться в деревню завтракать.

– Ну один раз куда ни шло! – воскликнул Гектор. – Мы найдем брэк для тебя, детей и няни, а я возьму в манеже лошадь. Мне это будет очень полезно.

Всю неделю только и говорили о предполагаемой прогулке.

Каждый вечер Гектор, вернувшись со службы, брал старшего сына, сажал его к себе верхом на колени и говорил, высоко подбрасывая его:

– Вот как твой папа поскачет галопом на прогулке в воскресенье.

И мальчуган целый день садился верхом на стулья и возил их кругом по зале, крича:

– Это папа на лошадке.

Даже служанка смотрела на барина с восхищением при мысли, что он будет сопровождать верхом их коляску; и в течение каждого обеда она слушала его рассуждения о верховой езде, рассказы о прежних его подвигах в доме отца. О, он прошел хорошую школу, и раз уже сидит на лошади, то ничего не боится, ровно ничего!

Он повторял жене, потирая руки:

– Если бы мне дали лошадь немного погорячее, я был бы в восторге. Ты увидишь, как я поскачу, и если хочешь, мы вернемся через Елисейские поля ко времени разъезда из леса. Так как у нас будет вполне приличный вид, то я не прочь встретить кого-нибудь из министерства. Ничто так не вызывает уважения у начальства.

В назначенный день экипаж и верховая лошадь одновременно были поданы к подъезду. Гектор тотчас же спустился вниз, чтобы осмотреть своего коня. Он приказал подшить к брюкам штрипки и помахивал хлыстиком, купленным накануне.

Он поднял и ощупал одну за другой все четыре ноги животного, потрогал шею, круп, подколени, испытующе провел рукой по бокам, открыл лошади рот, осмотрел зубы, определил возраст и, так как вся семья сошла вниз, прочел им маленькую теоретическую и практическую лекцию о лошадях вообще и, в частности, об этой, которую он признал отличной.

Когда все уселись в экипаж, он осмотрел подругу, а затем, поднявшись на одно стремя, грохнулся на спину лошади, которая запрыгала под его тяжестью и чуть не сбросила всадника.

Взволнованный Гектор пытался ее успокоить:

– Ну, ну, тихо, милая, тихо.

Когда наконец лошадь успокоилась, а к седоку возвратился его апломб, Гектор произнес:

– Готовы?

Все ответили в один голос:

– Да.

Тогда он скомандовал:

– В дорогу!

И кавалькада двинулась.

Все взгляды были обращены на Гектора. Он ездил по-английски, преувеличенно подсакивая. Не успев опуститься на седло, он уже подпрыгивал вновь, точно желая взлететь в воздух. Часто казалось, что он вот-вот упадет на шею лошади; он ехал, уставившись в одну точку, с искаженным лицом и побледневшими щеками.

Жена его, держа одного из детей на коленях, и няня, у которой находился другой, беспрестанно повторяли:

– Смотрите на папу, смотрите на папу!

И оба мальчика, опьяненные движением, весельем и свежим воздухом, пронзительно визжали. Лошадь, испуганная этими криками, помчалась наконец галопом, и пока всадник старался ее остановить, шляпа его слетела на землю. Кучеру пришлось слезать за ней с козел, и когда Гектор получил ее от него, он крикнул жене:

– Не давай детям так кричать, а то лошадь меня понесет!

Завтракали на траве, в роще Везине, провизией, привезенной в корзинах.

Хотя кучер и заботился о всех трех лошадях, но Гектор вставал каждую минуту, чтобы посмотреть, не нуждается ли в чем-нибудь его конь, гладил его по шее, кормил хлебом, пирожками и сахаром.

– Это бедовый скакун, – заявил он жене. – Первое время он меня даже несколько порастряс, но ты видела, как скоро я оправился; он почуял хозяина и теперь больше дурить не будет.

Как и было решено, возвращались Елисейскими полями.

Широкая аллея кишмя кишела экипажами. Гуляющих по обеим сторонам было так много, что казалось – от Триумфальной арки до площади Согласия развертывались две черные длинные ленты. Потоки солнца изливались на всю эту толпу, играя на лакированных колясках, на металлических частях упряжи, на ручках дверец.

Это скопище людей, экипажей и животных было как будто охвачено каким-то безумием движения, опьянением жизнью. А вдали, в золотой дымке, высился обелиск.

Как только лошадь Гектора миновала Триумфальную арку, она снова загорячилась и помчалась крупной рысью среди экипажей по направлению к конюшне, несмотря на все попытки всадника удержать ее.

Коляска оставалась теперь уже далеко-далеко позади, и вот у Дворца промышленности, увидев перед собою свободное пространство, лошадь повернула направо и понеслась галопом.

Какая-то старуха в переднике спокойным шагом переходила через дорогу; она оказалась как раз на пути Гектора, скакавшего во всю прыть. Не имея сил остановить лошадь, он стал кричать изо всей мочи:

– Эй! Эй! Берегись!

Старуха, должно быть, была глуха; она спокойно продолжала свой путь до той самой минуты, пока лошадь, летевшая, как локомотив, не ударила ее грудью и не отбросила на десять шагов в сторону, так что старуха трижды перекувырнулась с задравшимися юбками.

Послышались голоса:

– Остановите его!

Обезумевший Гектор вцепился в гриву лошади и вопил:

– Помогите!

От страшного толчка он, как мяч, перелетел через голову лошади и упал прямо в объятия полицейского, бросившегося ему навстречу.

В один миг вокруг него образовалась кучка разъяренных людей, жестикулирующих и вопящих. Один старый господин, с большим круглым орденом и длинными белыми усами, особенно казался вне себя. Он повторял:

– Черт побери, когда человек так неловок, он должен сидеть у себя дома. Нельзя же давить людей на улице, если не умеешь управлять лошадью!

Подожли четверо мужчин, несших старуху. Она казалась мертвой; лицо у нее было желтое, а сбившийся на сторону чепчик стал серым от пыли.

– Несите эту женщину в аптеку, – приказал старый господин, – а мы пойдем к полицейскому комиссару.

Гектор зашагал между двумя полицейскими. Третий вел его лошадь. Толпа следовала за ними, и вдруг появился брэк. Жена бросилась к мужу, няня потеряла голову, а малыши принялись пищать. Он объяснил, что скоро вернется, что сбил с ног какую-то женщину, что это пустяки. Перепуганная семья уехала.

Объяснение у комиссара было короткое. Гектор назвал свое имя и сказал, что он чиновник Морского министерства; затем стали ждать известий о пострадавшей. Полицейский, посланный справиться, вернулся. Она пришла в себя, но жаловалась на страшные боли, по ее словам, где-то внутри. Это была поденщица, шестидесяти пяти лет, и звали ее госпожой Симон.

Узнав, что она жива, Гектор ободрился и обещал уплатить издержки за ее лечение. Затем он побежал к аптекарю.

Шумная толпа обступила дверь. Старуха, бессильно свесив руки, с оступевшим лицом, стонала, полулежа в кресле. Два доктора продолжали осматривать ее. Перелома нигде не нашли, но опасались какого-нибудь внутреннего повреждения.

Гектор обратился к ней:

– Вам очень больно?

– О да!

– Где же?

– В животе у меня словно огнем жжет.

Один из докторов подошел к Гектору.

– Это вы, сударь, виновник несчастья?

– Да.

– Нужно бы отправить эту женщину в лечебницу; я знаю такую, где ее поместят за шесть франков в день. Если хотите, я об этом позабочусь.

Гектор с восторгом согласился и вернулся домой успокоенный.

Жена ждала его в слезах.

Он утешил ее:

– Ничего, этой Симон уже лучше, через три дня все пройдет; я отправил ее в лечебницу, ничего!

Ничего!

На следующий день, возвращаясь со службы, он зашел узнать о здоровье госпожи Симон. Он застал ее в ту минуту, когда она с довольным видом ела жирный бульон.

– Ну что? – спросил он.

– Ох, сударь, ничуть не легче! Я так думаю: дело мое кончено. Нисколечко не лучше.

Доктор объявил, что нужно подождать: может случиться осложнение.

Гектор подождал два дня, затем опять зашел в больницу. У старухи был свежий цвет лица и ясные глаза, но, увидев его, она застонала:

– Совсем не могу двигаться, сударь, совсем не могу. Уж, видно, такой я и останусь до смерти.

Холод пробрал Гектора до мозга костей. Он спросил мнение доктора. Тот только развел руками.

– Что поделаешь, сударь, я уж и сам не знаю. Она орет, когда пытаются ее поднять. Нельзя даже передвинуть ее кресло, чтобы она не начала отчаянно кричать. Я должен верить тому, что она говорит, сударь; не могу же я влезть в нее. Пока не увижу ее на ногах, я не имею права подозревать с ее стороны обмана.

Старуха слушала, не шевелясь, лукаво поглядывая на них.

Прошла неделя, другая, затем месяц. Госпожа Симон не покидала своего кресла. Она ела с утра до ночи, жирела, весело болтала с другими больными и, казалось, привыкла к неподвижности, словно это был справедливо заслуженный ею отдых за пятьдесят лет беготни вниз и вверх по лестницам, выколачивания матрацев, таскания углей с одного этажа на другой, работы метлой и щеткой.

Гектор в отчаянии стал приходить каждый день; он заставлял ее каждый день спокойной и счастливой, и она неизменно заявляла:

– Не могу двинуться, сударь, не могу.

Каждый вечер госпожа де Граблен спрашивала, снедаемая волнением:

– Ну как госпожа Симон?

И каждый раз он отвечал, убитый отчаянием:

– Никакой перемены, совершенно никакой!

Няню рассчитали, так как платить ей жалованье было уже слишком трудно. Стали еще более экономить, все наградные деньги были истрачены целиком.

Тогда Гектор созвал на консилиум четырех медицинских знаменитостей, и они собрались вокруг старухи. Она позволила им исследовать ее, трогать, щупать и лукаво поглядывала на них.

– Нужно заставить ее пройтись, – сказал один из врачей.

Она закричала:

– Никак не могу, хорошие мои господа, не могу!

Тогда они схватили ее, приподняли и протащили несколько шагов; но она вырвалась у них из рук и рухнула на пол, испуская такие ужасные крики, что ее отнесли обратно в кресло с бесконечными предосторожностями.

Врачи высказывались сдержанно, однако засвидетельствовали ее неспособность к труду.

Когда Гектор принес эту новость жене, она упала на стул, пролепетав:

– Уж лучше было бы взять ее сюда к нам, это обошлось бы дешевле.

Он так и привскочил:

– Сюда, к нам? О чем ты думаешь?

Но она, покорясь судьбе, ответила со слезами на глазах:

– Что же поделать, мой друг, ведь это не моя вина.